

37. Seferbiy Siyukhov. *Selected Works*. Comp., Preface, and Commentary by R.Kh. Khashkhozheva. Nalchik, El-Fa, 1997. 416 p. (In Russ.).
38. Vaschenko I.I. *The House of Batyrbek Shardanov. Research and Documents*. Krasnodar, MS-Center, 2009. 116 p. (In Russ.).
39. Neflyasheva N.A. Religious Education Among the Western Adyghe at the Beginning of the 20th Century. *Federalism*. 2010. No. 1 (57). P. 121–134. (In Russ.).

Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки).

Информация об авторе

С.Х. Хотко – доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории. Адыгейский государственный университет. 385000, г. Майкоп, ул. Жуковского, 15.

Information about the author

S.H. Khotko – D.Sc. in History, Associate Professor of the Department of Russian History, Historiography, Theory and Methodology of History. Adyghe State University. 385000, Maykop, Zhukovsky Street, 15.

Статья поступила в редакцию 17.10.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 05.12.2025.

The article was submitted 17.10.2025; approved after reviewing 15.11.2025; accepted for publication 05.12.2025.

Научная статья

УДК 94(47).081

doi: 10.18522/2072-0181-2025-124-99-108

ЗАРОЖДЕНИЕ ИДЕИ УНИФИКАЦИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ОКРАИН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Максим Николаевич Крот

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,
mnkrot@sfsedu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5855-8160>

Аннотация. Рассматривается процесс становления концептуальных основ и практических путей интеграции северо-западных окраинных регионов Российской империи, включавших в себя северо-западные и прибалтийские губернии, в правительственной и общественной среде России первой половины XIX в. Выявляются противоречия между сословно ориентированным курсом правительства и растущими национальными настроениями русской общественности и интересами коренных народов региона. Анализируются первые опыты формирования концепции унификации северо-западных окраинных регионов, представлявшие собой интеллектуальную реакцию на проводимую здесь правительственную политику, предпринятые М.Н. Карамзиным, Г.-Ф. фон Парротом, Ю.Ф. Самариным.

Ключевые слова: Российская империя, северо-западные окраины, Остзейский край, унификация, М.Н. Карамзин, Г.-Ф. фон Паррот, Ю.Ф. Самарин, Николай I

Для цитирования: Крот М.Н. Зарождение идеи унификации северо-западных окраин Российской империи в отечественной общественной мысли первой половины XIX века // Научная мысль Кавказа. 2025. № 4. С. 99–108.

doi: 10.18522/2072-0181-2025-124-99-108

© Крот М.Н., 2025

THE EMERGENCE OF THE IDEA OF UNIFYING THE NORTH-WESTERN BORDERLANDS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN RUSSIAN PUBLIC THOUGHT DURING THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY

Maksim N. Krot

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
mnkrot@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5855-8160>*

Abstract. This article examines the development of the conceptual foundations and practical approaches to integrating the northwestern outlying regions of the Russian Empire, which included the northwestern and Baltic provinces, in the governmental and social environment of Russia in the first half of the 19th century. Contradictions are revealed between the class-oriented government policy and the growing national sentiments of the Russian public and the interests of the indigenous peoples of the region. The article analyzes the first attempts to formulate the concept of unification of the northwestern outskirts, which represented an intellectual reaction to the government policies pursued there, undertaken by M.N. Karamzin, G.-F. von Parrot, and Y.F. Samarin.

Keywords: Russian Empire, northwestern outskirts, Ostsee region, unification, M.N. Karamzin, G.-F. von Parrot, Yu.F. Samarin, Nicholas I

For citation: Krot M.N. The Emergence of the Idea of Unifying the Northwestern Borderlands of the Russian Empire in Russian Public Thought during the First Half of the 19th Century. *Naučnââ mysl' Kavkaza*. 2025. No. 4. P. 99–108.

doi: 10.18522/2072-0181-2025-124-99-108

Original article

Актуализация имперской проблематики в отечественном общественном дискурсе XIX столетия являлась следствием кризиса имперского начала, переживаемого в это время не только Россией, но и другими европейскими имперскими образованиями, связанного с их переходом от стремления к простому самовоспроизводству и сохранению территориальной целостности к дальнейшему развитию и прогрессу, соответствовавшему актуальным вызовам времени и запросам общества.

Если в XVIII в. носителем имперского сознания в России выступало исключительно государство, в лице его ключевых агентов, то к началу XIX столетия, по мере интеллектуального развития российской общественности, вырабатывавшей собственное представление о различных явлениях окружающей действительности, в том числе и о характере отечественной государственности, имперский дискурс стал проникать в область общественной мысли.

Актуальность данной проблемы состоит не только в том, чтобы составить наиболее полное представление о начальном этапе становления и развития отечественного

национально-имперского дискурса, но и в том, чтобы проследить формы и механизмы властно-общественной коммуникации, от успешности которой в конечном итоге зависела выработка наиболее эффективной модели сохранения и бесконфликтного развития социально-этнического многообразия российского государственного пространства, что является актуальным и для современной эпохи.

Данные сюжеты рассматривались исследователями преимущественно в контексте решения иных вопросов. Так, в частности, общественно-политические воззрения Н.М. Карамзина, в том числе и связанные с имперской проблематикой, затрагивались А.Ю. Минаковым в рамках рассмотрения процесса зарождения отечественной консервативной доктрины и начальных этапов ее развития [1; 2], а также Д.В. Ермашовым и А.А. Ширинянцем в контексте анализа воззрений одного из первых русских консервативных мыслителей [3]. Рассмотрение первого публичного обсуждения ситуации в Прибалтийских губерниях, инициированного Ю.Ф. Самариным, присутствует в работах, посвященных данному видному представителю русской общественной мысли [4–6], а также в рамках характеристики общественных дискуссий в отношении региона в сере-

дине XIX столетия [7]. Комплексного рассмотрения указанных сюжетов в связи с развитием имперского сознания российского общества и осознанием необходимости преодоления гетерогенности имперского пространства, происходившем в первой половине XIX в. не проводилось.

В связи с этим цель статьи – выявить время зарождения идеи унификации имперского государственного пространства, сформировавшейся, в первую очередь, применительно к северо-западным окраинам России. Для достижения данной цели необходимо проанализировать характерные черты российского имперского сознания, носителями которого в первой половине XIX в. выступали представители наиболее просвещенных кругов российского дворянства, а также выявить основные формы и конкретные проявления их обращений к верховной власти с целью донести до нее свои убеждения.

Одним из первых текстов, представлявших интеллектуальное осмысление элементов имперского сознания российского общества, вступившего в противоречие с намерениями верховной власти, стала записка Н.М. Карамзина «Мнение русского гражданина», созданная в 1819 г. в связи с распространившимися слухами о намерении Александра I передать Царству Польскому губернии, вошедшие в состав России по результатам разделов Речи Посполитой. Изложенные в данном тексте аргументы позволяют составить представление о характерных особенностях российского имперского сознания, носителями которого в это время была наиболее просвещенная часть дворянства, связывавшая свои корпоративно-сословные интересы с интересами государства и отстаивавшими свое право на выражение собственного мнения по актуальным общественно-политическим вопросам.

В первую очередь следует отметить, что позиции Н.М. Карамзина по данному вопросу свойственны черты *realpolitik*, теоретические основы которой были изложены немецкими учеными несколько позже [8], и воплотившиеся в четком разграничении христианской морали и политических принципов. Реализм и отказ от следования морально-этическим и идеалистическим побуждениям в конкретно-политических вопросах, тем более, связанных с сохранением целостности Российского государства, является отличительной чертой консервативного мышления, свойственного значительной части

русской общественности данного периода. Н.М. Карамзин напрямую заявлял об обязанности монарха исполнять государственный закон «естественной обороны», необходимый для сохранения целостности своей страны и защиты ее от внешних врагов [9, с. 103]. В передаче полякам «исконно русских» земель Белоруссии, Волыни, Подолии, некогда вероломно захваченных ими и возвращенных волею предшествующих монархов, общественный деятель усматривал нарушение этого закона, с чем не может мириться русская общественность. Он ссылаясь на негласное государственное правило, лежавшее в основе российской имперской политики и общественного сознания, которое выражалось в девизе – «ни пяди, ни врагу, ни другу!». Следование идеалистическому принципу уважения прежних прав, по мнению Н.М. Карамзина, может привести к раздроблению империи, являвшейся результатом длительного собирания земель, присоединяемых, в том числе, и по «праву меча», поскольку в таком случае пришлось бы восстановить и Казанское, Астраханское Царство, Новгородскую республику, Великое княжество Рязанское и прочие государственные образования, вошедшие в состав Российской империи [там же].

В своей записке Н.М. Карамзин не просто озвучивал мнение российской дворянской общественности, но и указывал на ее неразрывную связь с имперским пространством, ставя под сомнение единоличное право монарха на его трансформацию под действием сентиментально-идеалистических или личных амбиций, которыми руководствовался Александр I, вынашивая идею восстановления Польского королевства в его прежних территориальных границах [10, с. 11]. Мыслитель прямо указывал на возможные негативные политические последствия данного решения, поскольку русские (под которыми он понимал, в первую очередь, дворянскую общественность) после утраты приобретенных кровью территорий «остыли бы душою и к Отечеству, видя оное игрищем самовластного произвола; ослабели бы не только уменьшением Государства, но и духом; унизились бы пред другими и пред собою» [9, с. 105].

В начале XIX в. российская общественность еще не настаивала на необходимости проведения политики унификации в отношении национальных окраин. Речь шла о том, чтобы не допустить включения западнорусских губерний в состав Царства Польского, сохранив Россию «как она есть». Однако почитание государственной

мудрости Екатерины II, преклонение перед образом и «духом» правления которой было широко распространено среди русской общественности, указывает на то, что идеальная модель организации имперского пространства уже тогда виделась в управлении всем государством на основе единого законодательства [11, с. 86]. В своем «Историческом похвальном слове Екатерине II» Н.М. Карамзин, восхваляя императрицу, писал: «Екатерина, подобно Божеству, согласила все словом Своим; отдаленные берега Ледовитого моря представляют тот же государственный порядок, которому на берегах величественной Волги или Невы удивляемся; народы столь различные правятся единым уставом; части, столь несходные, всеобщим “Учреждением” Монархини приведены в целое, и бесчисленные страны Российские составили разные семейства единого отечества!» [3, с. 115–116]. Осудив идею возвращения западных губерний в состав Польши, мыслитель, разделяя мнение многих своих современников, косвенно продемонстрировал свое неприятие особого статуса Царства Польского в Российской империи. Он акцентировал внимание на том, что поляки, получившие статус особого «державного народа», несут в себе значительно большую опасность, чем те поляки, которые интегрированы в российское общество [9, с. 106]. Соответственно, унификацию имперского пространства и управление им на основании «мудрых» общегосударственных законов можно считать латентным элементом имперского мышления русского общества, осознание ценности и необходимости которого произойдет несколько позже, под влиянием ряда повстанческих экстремумов.

Вряд ли «Мнение русского гражданина» можно характеризовать как «своеобразный манифест ранней дворянской версии русского национализма», поскольку в мировоззрении Н.М. Карамзина и озвучиваемых им имперских представлениях российского общества начала XIX в. отсутствовало представление о нации, как вертикально интегрированной группе [12]. Отстаивая свою позицию в отношении западных окраин, Н.М. Карамзин не прибегает к «национальной» аргументации, игнорируя факт преобладания русских или православных народных масс в западных губерниях, что свидетельствует о «донациональном» характере русского имперского сознания данного периода. Главным его элементом являлось сохранение территориальной

целостности и неприкосновенности Российской империи, единству которой в «скептическом патриотизме» Н.М. Карамзина и его единомышленников отдавалось решающее предпочтение перед «энтузиастическими» порывами Александра I [13]. Данное обращение, выразившее в себе совокупную точку зрения российской общественности по данному вопросу, столь горячо и аргументировано изложенную одним из немногих его представителей, имевших прямой доступ и определенное влияние на мнение монарха, продемонстрировало возросшее значение общественного мнения, заставив в конечном итоге императора переменить свои намерения.

Аргументы Н.М. Карамзина представляют собой облеченные в теоретическую форму интеллектуальной рефлексии элементы имперского сознания российской общественности первой половины XIX в., которые в дальнейшем станут идейной основой многочисленных сочинений, обосновывающих необходимость укрепления российской имперской государственности путем активной интеграции национальных окраин в общеимперское пространство.

Актуализация унификаторского дискурса в отношении западных окраин была связана с нарушением стабильности на западных и северо-западных окраинах Российской империи. Наиболее сильным потрясением стало польское восстание, разразившееся в ноябре 1830 г. и переросшее фактически в русско-польскую войну 1830–1831 гг. Другим дестабилизирующим явлением стало нарастание социального недовольства в Лифляндской и Эстляндской губерниях, которое было вызвано жестким притеснением коренного населения со стороны местного остзейского дворянства. Данные волнения по форме и содержанию выдвигаемых требований значительно отличались от прежних выступлений. Неожиданным для местного дворянства и духовенства стали массовые переходы из лютеранства в православие, с целью конфессионального дистанцирования от правящей элиты и получения поддержки со стороны имперских властей. Широкого размаха такие переходы достигли в 1845–1848 гг., когда в православие добровольно обратилось более 110 тыс. латышей и эстонцев [14]. Прибалтийские крестьяне, получившие личную свободу еще в 1818–1919 гг., но ограниченные в праве передвижения, в это время начали самовольно

переселяться. Эти неконтролируемые перемещения вызвали сильную обеспокоенность местных властей и помещиков, которые обратились к имперской администрации с просьбой о помощи. В результате для предотвращения дальнейших переселений власти были вынуждены задействовать военную силу [15].

Характеризуя настроения немецкой прибалтийской элиты, современники подчеркивали ее консерватизм и готовность верно служить российскому престолу, но, при этом, не могли не отмечать свойственную ей нелюбовь к русской народности, чувство превосходства над нею, что выражалось в строгом отделении самодержавия, верховенство власти которого безропотно признавалось, от собственно Русского государства, в коем остзейцы стремились занять демонстративно обособленное положение [16].

Необходимость предотвращения новых социальных взрывов на западных окраинах империи побуждала как правительственные, так и общественные круги обсуждать проекты преобразований системы местного управления, направленных на некоторое ослабление господства местной элиты и усиление влияния государственной власти. Помимо этого, на повестку дня был поставлен вопрос и о расширении русского начала в регионе посредством постепенного внедрения русского языка в различные сферы общественной жизни.

Обращает на себя внимание тот факт, что обсуждение данных вопросов происходило как посредством анонимных воззваний, которые правительство в данный период стремилось игнорировать [17], так и посредством составления авторских записок и проектов, представляемых лично императору, либо другим высшим органам власти. Их авторами являлись как государственные чиновники, так и представители общественности. Данная полемика могла содержать любые идеи и быть сколько угодно острой, но должна была находиться под полным контролем монарха. Такую эпистолярную коммуникацию государь находил не только допустимой, но и необходимой лишь в том случае, если она не проникала в публичную среду.

Подобное обращение к «административно-общественной экспертизе» широко практиковалось императором Николаем I на первом этапе своего царствования. Мнения «экспертов» могли лечь в основу разрабатываемых преобразований, а могли быть про-

игнорированы, если не соответствовали представлениям государя, считавшего себя высшим знатоком во многих вопросах и руководствовавшегося собственным пониманием государственной целесообразности. Так, задаваясь вопросом о необходимости внесения некоторых изменений в организацию работы образовательных учреждений прибалтийских губерний, император обратился за экспертной оценкой к министру просвещения графу С.С. Уварову и академику Г.-Ф. фон Парроту, в течение двадцати пяти лет занимавшему пост ректора Дерптского университета. Мнения экспертов по данному вопросу разошлись. Результаты проделанной работы были изложены в докладе министра просвещения от 7 мая 1838 г. В нем указывалось на необходимость содействовать распространению русского языка в административных и образовательных учреждениях Прибалтийских губерний. Против данного предложения выступал Г.-Ф. фон Паррот, аргументировано обосновывавший необходимость сохранения традиционного устройства учебного дела в крае особых порядков в Остзейском крае. Академик отрицал целесообразность унификационных усилий в образовательной системе, ссылаясь на то, что «степень развития Балтийских провинций выше, чем в остальной России» [18, с. 214].

Первой попыткой привлечения общественного внимания к проблеме национальных окраин и обоснованием необходимости трансформации окраинной политики имперских властей стал выход в 1848 г. резонансного историко-политического памфлета «Письма из Риги», написанного чиновником министерства внутренних дел, будущим активным общественным деятелем славянофильской направленности Ю.Ф. Самариним.

Масштабные крестьянские волнения в Прибалтике в 1840-е годы, приобретающие по мере своего развития национально-религиозный оттенок, вынудили власти организовать специальную ревизионную комиссию, которая была направлена в Ригу летом 1846 г. для выявления причин беспорядков. Ю.Ф. Самарин, занимавший пост чиновника по особым поручениям при Министерстве внутренних дел, а также входивший в комитет по устройству быта лифляндских крестьян, был включен в нее, что на долгие годы определило направленность его общественной деятельности.

Ревизионная комиссия, несмотря на активную работу по сбору материалов, не достиг-

ла своих целей. В январе 1849 г. Остзейский комитет, в состав которого, наряду с представителями имперской администрации, входили остзейские бароны, признал ее труды не соответствующими «местным нуждам». В кадровом отношении этот поворот выразился в назначении на пост Прибалтийского генерал-губернатора князя А.А. Суворова, потомка прославленного генералиссимуса, иронично названного впоследствии Ф.И. Тютчевым «гуманным внуком воинственного деда», поддерживавшего интересы остзейского дворянства. В письме М.П. Погодину Ю.Ф. Самарин излагал позицию нового главы края, выразившуюся в сказанных им вскоре после приезда в Ригу словах: «Признаюсь, не понимаю, к чему эта заботливость о православии, о распространении здесь русской народности. Остзейцы преданы государю – к чему же более?» [цит. по: 19].

Пребывание Ю.Ф. Самарина в Риге позволило ему увидеть фактическое отсутствие общеимперского законодательства и доминирование произвола остзейских баронов. Они не только угнетали местное коренное население, но и ставили русских жителей в положение дискриминируемых иноземцев. Глубоко возмущенный этим, Ю.Ф. Самарин поставил перед собой задачу добиться перемен через воздействие на верховную власть. Результаты его кропотливой работы в рижских архивах, дополненные личными наблюдениями и размышлениями, составили основу сочинения «История города Риги», которое носило не столько академический характер, сколько служило обоснованием необходимости реформ и защиты русских интересов в регионе, который был завоеван Россией и исторически тяготел к русскому государству. Министр внутренних дел Л.А. Перовский, ознакомившись с работой, встретил ее очень холодно и был вынужден скрыть ее содержание даже от своего окружения, опасаясь негативной реакции влиятельных немецких кругов при правительстве и дворе [см.: 5, с. 104].

Разочарованный таким исходом дела, Ю.Ф. Самарин избрал чрезвычайно рискованный и совершенно неприемлемый для николаевского режима путь отстаивания своих взглядов: он обратился к общественности через «салонную культуру». Подготовленные им «Письма из Риги» ориентировались именно на общественное мнение, которое автор надеялся привлечь на свою сторону и, тем самым, повлиять на правительственную политику. На

публичных чтениях в салоне Свербеевых в Москве, на вечерах Д. Оболенского в Петербурге отрывки из «Писем...» вызвали большой интерес не только тематикой и литературным талантом их составителя, но и тем полемическим жаром, той горячей убежденностью в своей правоте, которые резко выделяли это сочинение из привычного круга, придавая ему острый публицистический характер. «Письма...» вызвали широкий общественный резонанс, оживленные споры и резкое осуждение со стороны остзейских кругов и самого Николая I, нарушив «глухую обстановку» тогдашней русской жизни [4, с. 45].

Наибольшее общественное возбуждение вызывала ярко выраженная «антинемецкая» тональность сочинения Ю.Ф. Самарина, разделяемая многими современниками, но совершенно недопустимая в публичном дискурсе. Опыт взаимодействия с остзейцами позволял ему указывать на «глубокую, коренную, систематическую вражду Немцев к Русским», обусловленную «сознанием своей исторической неудачи», досада от которой вела к «хвастливости и презрению к России и ко всему Русскому» [20, с. 37–38]. Наибольшее возмущение Самарина вызывало неполноправное положение русского населения в городах прибалтийских губерний. В соответствии с местными традициями, закрепленными в правовых нормах, все лица, прибывавшие сюда из других областей империи, считались «иноземцами» (*Fremden*), права которых, преимущественно, в экономической сфере, существенно ограничивались [21, с. 48].

В своих «Письмах...» Ю.Ф. Самарин фактически проецировал концепцию «исконной русскости» окраинной области, разрабатываемой в это время отечественными учеными в отношении Северо-Западного края на Прибалтику. Он стремился документально обосновать тот факт, что задолго до немецкого завоевания местные племена тяготели к русским княжествам, чье господство над ними, выражавшееся во взимании умеренной дани и мирном распространении православия, было намного более мягким, нежели гнет немецких рыцарей [20, с. 4]. В соответствии с системой научных и правовых знаний рассматриваемой эпохи, «древность» и исторически обоснованная «исконность» собственного господства над определенной территорией являлась ключевым аргументом в утверждении собственного права на владение ею. Ю.Ф. Самарин отстаивал наличие «исторических и даже естественных

прав» России на Прибалтику, рассматривая ее присоединение, как «событие исторически необходимое, подготовленное прошедшею судьбою обеих земель» [20, с. 18].

В своих «Письмах...» Ю.Ф. Самарин огромное внимание уделял взаимодействию коренного латышского и эстонского крестьянства с немецкой элитой. Отталкиваясь от собранного им материала, мыслитель стремился доказать, что немецкое господство имело крайне негативные последствия для местных жителей. Являясь верноподданным слугою самодержавия, он не призывал к борьбе против местных порядков, настаивая на вмешательстве имперских властей, которое могло спасти народные массы от полного разорения и культурной деградации. Ю.Ф. Самарин не усматривал в волнениях прибалтийских крестьян антиправительственного и антифеодального содержания, подчеркивая его стихийность и отсутствие каких-либо «подстрекательств» со стороны православного духовенства и администрации, о чем неоднократно заявляли остзейцы [22, с. 508–510, 513].

В заключении своего сочинения Ю.Ф. Самарин призывал к коренной трансформации «неестественного» положения Остзейского края в составе Российской империи, которое соответствовало интересам не только местных коренных народов и русских, но и самих остзейцев, историческая судьба которых «вся заключена в России» [20, с. 160]. Мыслитель также считал, что без сотрудничества с русскими национальными общественными силами проведение необходимых преобразований будет невозможным, поскольку в ходе их реализации власть сталкивается с сильным общественным противодействием со стороны не только остзейских, но и русских общественных кругов, которым необходимо противопоставить альтернативную концепцию.

Воззрения и аргументация Ю.Ф. Самарина свидетельствуют о том, что в его понимание сущности и перспектив развития российской имперской государственности активно проникали современные концепты национального государства. Для мыслителя было неприемлемым разграничение Империи, как системы «неравномерного владения», суммы разнородных территорий, скрепляемых фигурой монарха, и Империи, как национального целого [23]. При этом Ю.Ф. Самарин высказывал взгляды, находившиеся вполне в рамках николаевской систе-

мы, направленной на унификацию правовых норм и административных практик, преодоление многообразия в управленческих моделях и перевод их правовое поле. Преодоление домодерных принципов администрирования, замена традиционных порядков управления современными институтами, находившимися под строгим контролем центральной власти, в полной мере отвечало принципам, лежащим в основе модели царствования Николая I.

Несмотря на это, присутствовавшие в «Письмах...» критические замечания в адрес национальной и религиозной политики, проводившейся в Прибалтике, откровенная антиостзейская национальная риторика, принципиально иное понимание сущности Империи, не совпадавшее с официальной правительственной линией, допускавшей разный характер лояльностей – все эти принципы, резко и открыто высказанные Ю.Ф. Самариным, власти не могли оставить без ответа. Его позиция вступала в резкое противоречие с интересами и взглядами «немецкой партии», которая выделялась не только по этническому признаку, находившему свое выражение в защите привилегий остзейских немцев и иностранцев вообще, но и по мировоззренческим установкам, носившим ярко выраженный космополитический характер [24, с. 271]. Идея служения Отечеству, под которым понималось неразрывное единение православной идеи, монархической государственности и народности, в представлении сторонников данной «партии» подменялось идеей подданства, связанной с личным служением исключительно монарху, но не России.

Думается, что, помимо идейной составляющей, одна из важнейших причин жесткой административной реакции на взгляды, высказанные Ю.Ф. Самариним, заключалась в самом факте «возбуждения общественного мнения» относительно вопросов, решение которых находилось в ведении правительства, в попытке вынесения их в область общественного дискурса, что в системе координат николаевского царствования казалось немыслимым и «крамольным». Отстаиваемая мыслителем идея о предоставлении «силы власти» царю, а «силы мнения» – народу, свойственная славянофильскому политическому мировоззрению, спровоцировала резкую реакцию властей на данное выступление, выразившуюся в его аресте в марте 1849 г.

Ю.Ф. Самарин был обвинен в разглашении служебной тайны и использовании своего положения для получения закрытой информации, изложенной и публично распространенной в частном сочинении. Отвергая эти обвинения, мыслитель настаивал на том, что он опубликовал известные исторические факты, обратив на них общественное внимание [25]. Общественное и семейное положение Ю.Ф. Самарина, наличие у него влиятельных ходатаев, верноподданный характер его памфлета, а также глубина вызванного им общественного резонанса, не позволила властям поступить с ним, как с рядовым «крамольником». Необходимо было убедить «заблуждающегося» мыслителя в ошибочности его взглядов и подходов, что решился сделать сам Николай I, попутно обосновав альтернативную, официальную позицию. В известном разговоре Ю.Ф. Самарина и императора, состоявшемся 17 марта 1849 г. в Зимнем дворце, ставшим едва ли не уникальным примером «прямого диалога» главы государства и частного лица, Николай I изложил официальный подход не только к пониманию сути остзейского вопроса, но и характера Российской империи в целом.

В основе позиции императора, находящейся в рамках традиционного сословно-корпоративного подхода к осмыслению сущности российской имперской государственности лежал тезис о неприемлемости национальных принципов в отношении многонациональной Российской империи. Император доказывал своему собеседнику всю пагубность данных подходов, чреватых неизбежной межплеменной рознью в полиэтническом имперском сообществе. Усматриваемые монархом призывы к заведомо провальным попыткам «силою сделать из немцев русских, с мечом в руках, как Магомед...», по его неоспоримому мнению, вели к возбуждению «вражды немцев против русских», чего правительство, движимое надэтническими государственными интересами, допустить не могло [4, с. 48].

Наибольшее негодование императора вызвала попытка сочинителя «поднять общественное мнение против правительства» [там же]. Если антипатические отзывы автора «Писем...» об остзейцах можно было списать на «неопытность» и личные обиды, вызванные «влиянием страсти» и служебными неурядицами, то его проникновение в сакральную область государственной политики и рассуждение о ее характере уже носили «преступный» характер.

Власть в лице монарха ревностно оберегала свое исключительное право на определение политического курса в любой сфере, не допуская не только участия, но даже и рассуждения на эту тему в публичной среде. Неслучайно, что Николай I, стремясь подавить и «образумить» своего собеседника, неоднократно заявил о том, что его «Письма...» могли привести «к худшему, чем 14 декабря» [там же].

Внешняя покорность молодого чиновника, знакомство императора с его семьей, занимавшей видное общественное положение и убежденность государя в том, что ему удалось «отечески увещевать» заблуждающегося подданного привели к тому, что «дело Самарина» имело весьма благополучный исход. Сочинитель был освобожден из-под ареста и выслан в Москву «под надзор родителей», дополнявшийся, разумеется, и негласным надзором со стороны властей. Позднее Ю.Ф. Самарин был направлен в штат киевского генерал-губернатора Д.Г. Бибикова, где сумел продолжить служебную карьеру до конца 1852 года. Несмотря на жесткое административное пресечение своей интеллектуальной деятельности, мыслитель не держал обиды на Николая I, снизошедшему к молодому чиновнику с высоты трона, дабы отвратить его от «заблуждений», «явившись в строгой и благородной простоте своего обаятельного величия» [26, с. 44].

«Письма из Риги» Ю.Ф. Самарина и «возражения» на них Николая I являлись, по сути, выражением двух моделей окраинной политики, излагаемых, по выражению Нольде, «молодым, талантливым глашатаем новой народнической истины» и «узким, но выдержанным и последовательным носителем привычной консервативной государственности» [4, с. 48]. Подход Ю.Ф. Самарина являлся проявлением формирующейся национальной доктрины имперской окраинной политики. Несмотря на то, что он по своей сути соответствовал основным принципам николаевской унификаторской политики, содержащийся в нем национальный компонент вступал в противоречие с традиционными сословно-корпоративными началами, отказаться от которых имперская администрация была не готова. Сочинение Ю.Ф. Самарина, несмотря на вызванный им общественный резонанс, в рассматриваемый период не смогло оказать серьезного воздействия на политику правительства в отношении Остзейского края. Потребовались серьезные потрясения, поставившие под угрозу целостность

имперского пространства, чтобы национальные принципы были включены в правительственную политику в отношении северо-западных окраин. В новых исторических условиях идеи, высказанные Ю.Ф. Самариним, окажутся чрезвычайно востребованными и актуальными. «Письма...» оказали значительное влияние на возбуждение в русской общественной мысли интереса к национально-окраинной проблематике, которая станет объектом активных дискуссий в 1860–1880-е гг. Идеи, высказанные Ю.Ф. Самариним в конце 1840-х гг., составляли основу национально-консервативной доктрины окраинной политики и будут активно обсуждаться и браться на вооружение не только представителями общественных кругов, но и имперской администрацией, со временем осознавшей значимость тех вызовов и угроз, которые впервые выявил и обозначил мыслитель.

Список источников

1. Минаков А.Ю. Русский консерватизм первой четверти XIX в. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011. 560 с.
2. Минаков А.Ю. Русская партия в первой четверти XIX века. М.: Институт Русской Цивилизации, 2013. 528 с.
3. Ермашов Д.В., Ширинянц А.А. У истоков русского консерватизма: Н.М. Карамзин. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 239 с.
4. Нольде Б.Э. Юрий Самарин и его время. Paris: Soc. anonyme impr. de Navarre, 1926. 247 с.
5. Скороходова С.И. «Письма из Риги» в историософии Ю.Ф. Самарина // Соловьевские исследования. 2011. Вып. 4 (32). С. 101–113.
6. Тесля А.А. Остзейский вопрос в переписке Ю.Ф. Самарина 1846–1848 годы // Романовские чтения. Династия Романовых в судьбах Российских земель: материалы конференции, (г. Кострома, 24–25 марта 2011 г.) / Сост. и науч. ред.: А.Д. Шипилов. Кострома: Изд-во Костромского гос. ун-та. 2011. С. 165–173.
7. Россия и Балтия: Остзейские губернии и Северо-Западный край в политике реформ Российской империи. 2-я половина XVIII–XX в. / Под ред. А.О. Чубарьян. М.: ИВИ РАН, 2004. 279 с.
8. Rochau von A.L. Grundsätze der Realpolitik, angewendet auf die staatlichen Zustände Deutschlands. Stuttgart: Brrlag von Karl Göpel, 1853. 224 s. S. 1–2.
9. Карамзин Н.М. Мнение русского гражданина. // Консерватизм: pro et contra, антология. СПб: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2016. С. 103–106.
10. См.: Долгих А.Н. Попытка восстановления Польши при Александре I и общественная реакция в России (на примере позиции Н.М. Карамзина). //

Гуманитарные исследования Центральной России. 2019. № 3 (12). С. 7–20.

11. Нарезный А.И. Н.М. Карамзин о польском вопросе // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2018. № 2. С. 82–87.
12. См.: Западные окраины Российской империи / Науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 608 с. С. 90–91.
13. Архангельский А.Н. Александр I. М.: Вагриус, 2000. 576 с. С. 313.
14. Ростовский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 18. Д. 41946. Л. 53–56.
15. Выскочков Л.В. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2006. 694 с. С. 254–255.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109 с/а. Оп. 3а. Д. 1255. Л. 2.
17. ГАРФ. Ф. 109 с/а. Оп. 3а. Д. 1268. Л. 1–20.
18. Письма и записки Г.-Ф. Паррота к императорам Александру I и Николаю I // Русская старина. 1895. Т. 83. Вып. 4. С. 191–225.
19. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: в 22 кн. Кн. 10. СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1896. 583 с. С. 32.
20. Самарин Ю.Ф. Письма из Риги // Ю.Ф. Самарин Сочинения: в 7 т. Т. 7. М.: Типография А.И. Мамонтова и Ко. 1889. 658 с.
21. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края: в 4 т. Т. I. / Сост. Е. Чешихин. Рига: Тип. А.И. Липинского, 1877. 640 с. С. 48.
22. Записки священника Полякова об эйхенангерском приходе // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края: в 4 т. Т. 3. Рига: Типография А.И. Липинского. 1880. С. 465–564.
23. Тесля А.А., Труханов В.А. «Письма из Риги» Ю.Ф. Самарина в контексте споров о нации и империи. // URL: http://www.hrno.ru/statii/2011/tes_tru.php (дата обращения: 28.08.2025).
24. Бадалян Д.А. Борьба элит и журналистика в России эпохи нациестроительства // Тетради по консерватизму. 2022. № 1. С. 263–297.
25. ГАРФ. Ф. 109 с/а. Оп. 3а. Д. 1269. Л. 3–6.
26. Градовский А.Д. Юрий Федорович Самарин // Трудные годы (1876–1880). СПб. Тип. М.М. Стасюлевича. 1880. С. 35–45.

References

1. Minakov A.Y. *Russian conservatism of the first quarter of the 19th century*. Voronezh, Voronezh state university press, 2011. 560 p. (In Russ.).
2. Minakov A.Y. *Russian party in the first quarter of the 19th century*. Moscow, Institute of Russian Civilization, 2013. 528 p. (In Russ.).
3. Ermashov D.V., Shirinyants A.A. *At the origins of Russian conservatism: N.M. Karamzin*. Moscow, Moscow University press, 1999. 239 p. (In Russ.).
4. Nolde B.E. *Yuri Samarin and his time*. Paris, Soc. anonyme impr. de Navarre, 1926. 247 p. (In Russ.).

5. Skorokhodova S.I. «Letters from Riga» in the historiography of Y.F. Samarina. *Soloviev Studies*. 2011. No. 4 (32). P. 101–113. (In Russ.).
6. Teslya A.A. The Baltic Question in the Correspondence of Y.F. Samarin in 1846–1848. In: *Romanov Readings. The Romanov Dynasty in the Fates of the Russian Lands: Conference Proceedings*, Kostroma, March 24–25, 2011. Compiled and scientifically ed. by A.D. Shipilov. Kostroma, Publishing House of Kostroma State University. 2011. P. 165–173. (In Russ.).
7. *Russia and the Baltics: The Baltic Provinces and the North-West Region in the Reform Policy of the Russian Empire. Second Half of the 18th–20th Centuries*. Ed. by A.O. Chubaryan. Moscow, Institute of World History RAS, 2004. 279 p. (In Russ.).
8. Rochau von A.L. *Principles of Realpolitik, applied to the political situation in Germany*. Stuttgart, Karl Göpel's publishing house, 1853. 224 p. P. 1–2. (In Russ.).
9. Karamzin N.M. Opinion of a Russian citizen. In: *Conservatism: pro et contra, anthology*. St. Petersburg, Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy, 2016. P. 103–106. (In Russ.).
10. See: Dolgikh A.N. Attempt to restore Poland under Alexander I and public reaction in Russia (based on N.M. Karamzin's position). In: *Humanitarian studies of Central Russia*. 2019. No. 3 (12). P. 7–20. (In Russ.).
11. Narezhny A.I. N.M. Karamzin on the Polish question. *News of higher education institutions. North Caucasian region. Social sciences*. 2018. No. 2. P. 82–87. (In Russ.).
12. See: *Western outskirts of the Russian Empire*. Scientific ed. by M. Dolbilov, A. Miller. Moscow, New Literary Review, 2006. 608 p. P. 90–91. (In Russ.).
13. Arkhangelsky A.N. *Alexander I*. Moscow, Vagrius, 2000. 576 p. P. 313. (In Russ.).
14. *Russian State Historical Archive*. F. 797. Inv. 18. Case 41946. Sh. 53–56. (In Russ.).
15. Vyskochkov L.V. *Nikolai I*. Moscow, Molodaya Gvardiya, 2006. 694 p. P. 254–255.
16. *State Archives of the Russian Federation*. F. 109 s/a. Inv. 3a. Case 1255. Sh. 2. (In Russ.).
17. *State Archives of the Russian Federation*. F. 109 s/a. Inv. 3a. Case 1268. Sh. 1–20. (In Russ.).
18. Letters and notes of G.-F. Parrot to the emperors Alexander I and Nicholas I. In: *Russian antiquity*. 1895. Vol. 83. No. 4. P. 191–225. (In Russ.).
19. Barsukov N.P. *Life and works of M.P. Pogodin*. Book 10. St. Petersburg, Publ. M.M. Stasyulevich, 1896. 583 p. P. 32. (In Russ.).
20. Samarin Y.F. Letters from Riga. In: Samarin Y.F. *Works*. In 7 vol. T. VII. Moscow, Publ. A.I. Mamontov and Co. 1889. 658 p. (In Russ.).
21. *Collection of materials and articles on the history of the Baltic region*. In 4 vol. T. I. Compiled by E. Cheshikhin. Riga, Publ. A.I. Lipinsky, 1877. 640 p. P. 48. (In Russ.).
22. Notes of the priest Polyakov about the Eichenanger parish. In: *Collection of materials and articles on the history of the Baltic region*. In 4 vol. T. III. Riga, Publ. A.I. Lipinsky. 1880. P. 465–564. (In Russ.).
23. Teslya A.A., Trukhanov V.A. «Letters from Riga» by Yu.F. Samarina in the context of debates about nation and empire. Available at: http://www.hrono.ru/statii/2011/tes_tru.php (accessed August 28, 2025). (In Russ.).
24. Badalyan D.A. The Struggle of Elites and Journalism in Russia in the Era of Nation-Building. *Notebooks on Conservatism*. 2022. No. 1. P. 263–297. (In Russ.).
25. *State Archives of the Russian Federation*. F. 109 s/a. Inv. 3a. Case 1269. Sh. 3–6. (In Russ.).
26. Gradvosky A.D. Yuri Fedorovich Samarin. In: *Difficult Years (1876–1880)*. St. Petersburg, Publ. of M.M. Stasyulevich. 1880. P. 35–45. (In Russ.).

Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки).

Информация об авторе

М.Н. Крот — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой специальных исторических дисциплин и методики преподавания истории и обществознания. Институт истории и международных отношений Южного Федерального университета. 344010. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140.

Information about the author

M.N. Krot — Ph.D. of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Special Historical Disciplines and Methods of Teaching History and Social Science at the Institute of History and International Relations of the Southern Federal University. 344010. Rostov-on-Don, 140 Pushkinskaya Street.

Статья поступила в редакцию 9.10.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 05.12.2025.

The article was submitted 9.10.2025; approved after reviewing 15.11.2025; accepted for publication 05.12.2025.